

Моя счастливая судьба

Николай Владимиров, Художник.

Он - автор многих памятных знаков, в том числе, и герба Апатитов. Образцы его оформительской графики были удостоены медалей ВДНХ. Его картины - в музеях Швеции и Канады, в частных коллекциях США, Германии и Скандинавских стран. Он очень редко устраивает персональные выставки, но именно сейчас две из них можно увидеть в Галерее "М" и в библиотеке-музее Апатитов. Художник Николай Владимиров живет и работает рядом с нами.

КОЛЛЕКЦИЯ

Николай Владимирович водит меня по мастерской и показывает главную свою ценность - коллекцию картин известных русских художников:

- Вот - Николай Морозов, мой лучший друг. Он когда-то работал здесь, на строительстве, недавно две акварели моей жене подарил. Художник из Питера Пугачев - его работы украшают Институт Химии. Вот Макаров - "наивный" художник. Алдошин, Бельков, Капитонов, Суриков, Бугров, Пашкин из Краснодара. Панарин - заслуженный художник России, Мордовин - народный художник России. Вот маленькая работа Алексея Арманда - родного внука Инессы Арманд. Очень известный художник Софронов из Ульяновска, Михаил Скоробогатченко, Борис Харинский, Феофилактов...

Кто-то еще студентами приезжал сюда писать, кто-то - уже профессорами. Многие - местные художники. Все эти картины я не покупал, мне их дарили авторы. А я им дарил свои.

ОТ ГОЛОДА ОТЕЦ УМЕР ПЕРВЫМ...

- Я родился 5 декабря 1930 года в Ленинграде. Мама была "смолянкой", ее отец погиб при Цусиме и маму устроили учиться в Смольный институт. Но ей было 17 лет, когда случилась революция, и образование её осталось незаконченным. Её звали Лидией Владимировной Кедровой и зарабатывала она переводами с немецкого и французского языков. Отец Владимир Николаевич - сын священника. Мои предки в трех поколениях были священнослужителями, а вот отец и его братья стали коммунистами. Отец работал бухгалтером на военной обувной фабрике "Пролетарская победа", он, кстати, немного рисовал, и у меня сохранился его этюд 39-го года.

Когда началась война, нашу семью не эвакуировали именно из-за того, что работал отец. Но никто не предполагал, что события так быстро будут разворачиваться. В нашей семье тогда было шесть человек - бабушка, родители, я, мой младший брат и старшая сестра. Когда началась блокада, мама погибла при артобстреле. От голода первым умер отец, потом бабушка и брат. Мы остались вдвоем с сестрой и нас отвезли в детдом. Сестру вскоре эвакуировали, а меня нет - я был "нетранспортабелен". Прожил в детдоме до 44-го года. Все время мы с сестрой не теряли связь, и когда она вернулась в Ленинград, пошли учиться в ФЗУ.

- Трудно рассказывать о блокаде?

- Из того времени многое помню, но рассказывать об этом весьма нелегко. Чтобы понять, надо пережить. Вот Ольга Берггольц - пережила, и писала она правдиво. А все остальное - книги, фильмы, снятые по документам, уже не то.

Был случай, когда я как-то в школе выступал. Рассказывал, дети были очень тронуты. А одна девочка заявила: "Вам 125 граммов хлеба давали? Ну и что? Я и сейчас больше не съедаю." Что тут скажешь?

- Блокада меняет людей?

- Да. Есть те, кто навсегда очерствел душой. Меня блокада жестким не сделала. Просто все это заставляет ценить каждый день жизни.

Я поступил учиться в художественно-педагогическое училище, потом оно стало имени Серова. Но заболел. Провел в разных больницах три года и десять дней, меня оперировал очень хороший врач - академик Ваячек. Перенес пять черепных операций. Вышел в 21 год инвалидом первой группы.

КАКОЙ ЖЕ Я ХУДОЖНИК?!

- Вскоре меня нашел дядя, брат моего отца, Николай Николаевич Владимиров. Во время войны он был начальником опытного цеха на 23-м километре, где выплавляли фосфор. После войны цех закрыли, и он работал на АНОФ-1 начальником цеха погрузки - человек известный в Кировске, орденносец. Он потерял жену и дочь во время блокады и стал искать кого-нибудь из семьи. Нашел меня и забрал на Север.

Я не мог себе позволить быть нахлебником, стал работать, меня пригласили в ДК горняков оформителем. Лозунги, плакаты, даже спектакли оформлял - по молодости смело.

Я работал, а меня тянуло к творчеству. Вот говорили: Владимиров - художник. А какой я художник тогда был? И тут я познакомился с мурманскими художниками - они со спектаклем в ДК приезжали. Посмотрели мои работы, поддержали. И я стал писать. В дилетантских выставках старался не участвовать. В 1964 году впервые попал на областную художественную выставку с пятью работами. Одну из них, "Ущелье географов", купила владелица частной коллекции из Финляндии.

Потом участвовал в других профессиональных выставках: двух Всесоюзных выставках оформительского искусства, двух зональных - это большой успех, несколько персональных было - здесь и в Кируне. Туда я отвез 51 работу, а обратно не привез ни одной. Семь купил городской музей, а остальные - коллекционеры. Есть мои работы и во многих музеях России.

А многие работы пропали. Воровали с выставок. Однажды целый контейнер с областной выставки пропал, там были и мои картины. А еще был случай в Закарпатье. Такая набожная деревня, простые доверчивые люди, двери не запирают... Я написал четыре этюда, повесил на ночь сушить на забор. Утром встал - нет ни одной. Было жалко - повторить невозможно.

- Как Вы относитесь к политике, столько лет проработав на социалистические лозунги, плакаты и прочее?

- А у меня 29 лет партстажа. Я потом очень легко с этим расстался. Я даже из партии не выходил. В подсознании всегда держалось несогласие, но говорить об этом было не принято. Но клясть теперь КПСС или публично жечь партбилет - это, по-моему, пакостно. Я прошел серьезную идеологическую подготовку в детстве и юности. В детдоме идеологически крепко обрабатывали: каждый день с гимна начинался. Дядя мой - с 29-го года в партии, он по призыву Кирова приехал в Хибинь, и когда мне предложили в партию вступить, он сказал: "Не рассуждай. Вступай". Да и сын мой коммунистом был. Но хуже мы от этого не стали.

ОТКУСИ ЯЗЫК

- Из местных художников, чье творчество Вам нравится?

- Люблю Игоря Чайковского и Сашу Терещука, Валентину Петрову из Кировска.

- А нет к молодым художникам менторского отношения?

- Ну, как вам сказать. Вот, например, Дима Малышев. Я его работы не очень воспринимаю, но он - художник, мы приятели, и как он работает - это его личное дело. Я вообще человек незлой. К сожалению, когда я сам начинал работать, была одна манера - соцреализм. В авангардной манере, если хочешь участвовать в выставках, писать было нельзя. Говорили: "Что привез елки-палки? Давай промышленные пейзажи!" И я считаю, не важно - что ты делаешь, важно КАК ты делаешь. О живописи сложно говорить. Матисс однажды сказал так: "Хочешь быть живописцем - откуси язык".

- А в Ленинграде часто бываете?

- Конечно, это же мой город! Люблю ходить в музеи, в галереи. У меня дача в Киришах, Киришский музей купил несколько моих работ. Да и просто любители покупают, но, к сожалению, у интеллигентных людей денег сейчас нет ни черта...

- На даче пишете?

- Дача - не для живописи, там надо заниматься парниками, грядками. А вот в мастерской я каждый день с девяти утра до шести вечера, и уходить не хочу, дома делать нечего, а здесь я пишу, делаю наброски, ищу композиции.

- Бывает, что не пишется?

- Конечно! Напишешь этюд, на следующий день смотришь - не то, смываешь, переделываешь.

- А у Вас есть звания?

- Нет у меня никаких званий и отношусь я к этому равнодушно. Самое высокое звание для меня - Художник. Если меня так люди называют - это счастье. Я им хотел быть, и я им стал. Тщеславие для художника нужная вещь, но и чувство меры - не лишнее.

БЛОКАДА НАУЧИЛА...

- Что Вы любите есть? Изменилось ли после блокадного детства отношение к пище?

- Блокада научила есть все подряд. Я обожаю пироги с рыбой или с капустой, как жена печет. И еще я очень люблю чай - пью по пять раз в день. Вот внучка моя, ей 18 лет, избалована, и меня это даже немножко раздражает. После детдома я в еде неприхотлив.

- Кто еще из семьи рисует?

- Дочь закончила художественную школу, но в вуз ей поступить не дала жена: это непосильный труд для женщины, семьи не будет, потому что весь дом - на муже, а не каждый с этим согласится.

У внука, ему 22, есть способности, но он живет в Мурманске, и меня нет с ним рядом, поэтому он в этом плане не развивается. Но может, проснется еще талант. Я вот первый этюд с натуры написал в 32 года.

ГЛАВНЫЙ ЧЕЛОВЕК

- Как Вы познакомились с женой?

- Когда я вышел из детдома, одно предприятие взяло нас как подшефных. Это же предприятие приютило детей из интерната, который вернулся из эвакуации. Всех объединили. Так я познакомился с девочкой по имени Галя. Она ко мне все три года в больницу ходила.

В 1954 году поехал в отпуск в Ленинград, мы с Галиной записались, а через год она переехала ко мне. Мы 46 лет вместе.

- Галина, молодая девушка, ждала вашего выхода из больницы три года. Почему? Чем вы ее покорили?

- У нее тогда были кавалеры, но она предпочла меня. В то время я абсолютно ничего из себя не представлял, да и перспективы были неважные - Дом инвалидов... Но я ни на минуту не терял присутствия духа. Мой оптимизм ей, наверное, и был симпатичен.

Жена болела этой осенью очень тяжело. Я сам извелся, очень боялся ее потерять... После 46 лет брака, жена - это самый родной человек, ближе, чем дети и внуки. Она никогда не писала, но ей нравится живопись, она выбирает работы для дома, неравнодушный человек. Хотя замуж она выходила не за художника, а за механика по швейным машинам.

- Полвека прожить с одним человеком - это тяжелый труд?

- Сложный вопрос... Никогда не приходило в голову, что может быть кто-то еще. А вот браки между художниками - очень некрепкие, если только совместная работа их не держит. Но тут могут быть другие крайности. Пример - мои друзья, замечательные графики, сильные мастера Нелли и Валерий Таргонские. У них под Архангельском был дом-мастерская. Нелли умерла молодой, от рака легких - курила много. По ее просьбе, муж похоронил ее недалеко от мастерской. А сам теперь там работать не может. И вообще больше работать не может, пьет...

А вообще, очень трудно жить с художником. В материальном плане - ты и вся семья зависят только от твоего труда. Продать картины сложно, материалы дорогие, но останавливаться нельзя. Я не собираюсь останавливаться - я хотел бы умереть у мольберта.

Наталья Чернова